

Против «седьми московских бояринов» стояла дворянская масса и посадское население, для которых политическая обстановка 1611 г. была просто губельною. — «Уездные дворяне, говорит историк, и дети боярские, волостные и посадские мужики были разорены и подавлены несчастным ходом событий. А враги торжествовали: Сигизмунд взял Смоленск, шведы покусились на Новгород».¹ Вот та классовая и политическая обстановка, в которой сложилась песня Джемсова сборника о смерти Скопина, прямо обвиняющая боярство в разгроме шведами Новгорода и делающая это именно с точки зрения посадского населения:

А расплачютца гости москвичи:

«А тепере наши головы загибли».

А съезжались князи-бояря супротиво к ним...

Средою возникновения песни следует считать торговые круги и, во всяком случае, средние классы городского населения.

С формальной стороны в основе песни о смерти Скопина лежит мотив похоронного плача, нашедший широкое применение в воинской повести «О рождении князя Михаила Васильевича», включенной в хронограф. — «Доктуры немецкия от князя идяху и слезы испущаху... Стекаются ко двору его множество войска... и множество народа... со слезами и с великим рыданием... Подручники и воеводы, и дворяне, и дети боярские, и сотники, и атаманы... со многим воплем и стонанием и жалостно во слезах глаголаше и причитаху... Держащие власти и строяще и правяще царская и народная, также и нищии и убогия вдовицы, слепии и хромии — всяк со слезами и горким воплем кричаще и вопиюще... Немецкий воевода Яков Пунтусов со двенадцати своими воеводы и со своими дворяны... виде мертвое его тело и восплака горце...» Оканчивается повесть, как и песня, известием о занятии Новгорода войсками Делагарди и насилиях над жителями: «Яков Пунтусов пошел с немцы под великий Новоград и взял... И то уже немцы одолеша и посекоша всех и город немцы засели, новгородцов обнасиловали и пограбиша и драгия узорочья свезоша во свою землю немецкую».²

Совпадение некоторых мотивов повести о Скопине с песнею о нем в сборнике Джемса приводит к заключению об однородной литературной, а следовательно, и социальной среде их возникновения: оба произведения являются продуктом литературной деятельности города.

¹ С. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., 1899, стр. 516.

² Андрей Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869 г., стр. 383—384 и 388.